

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

В. А. ТУГОЛУКОВ

ИЗМЕНЕНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕ И БЫТЕ ЭВЕНКОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА ПОЛТОРА ВЕКА

В XVII веке, к приходу русских, территория между Енисеем и Байкалом была заселена отдельными группами эвенков; много их жило в бассейне Ангары. В настоящее время эвенков в бассейне Ангары почти нет, а на западном побережье Байкала сохранилась только небольшая группа в верхнем течении рек Тутура и Киренга (притоки Лены). Административно они входят в Качугский и Казачинско-Ленский районы Иркутской области.

Вопрос о том, в каком направлении шло развитие эвенков, заселявших указанную территорию в период хозяйственного освоения ее русскими и какова их историческая судьба, остается до сего дня недостаточно выясненным. В данной статье мы делаем попытку подойти к решению вопроса на материале, относящемся к эвенкам Иркутской области¹.

Таблица 1		
Группа	Численность	
	ясачных платель- щиков	всего насе- ле- ния
Икогиры	47	около 1250 ² человек
Камчагиры	90	
Налягиры	176	
Всего	313	

Во второй половине XVII в. эвенки, живущие сейчас в пределах Иркутской области, входили в Илимский уезд. В то время на Киренге, главным образом в ее среднем и нижнем течении, жили тунгусы (эвенки), принадлежавшие к родам Икогир (или Никогир) и Шамагир.

Шамагиры незадолго до того переселились сюда с низовьев Илима. В верхнем течении Киренги обитали камчагиры. В верховьях Илима, а также по Тутуре и Куленге жили тунгусу налягиры. Их подразделениями, как считает Б. О. Долгих, были ладагиры (в низовьях Куты) и кумкагиры (на Куленге)².

Численность всех этих тунгусов определялась для конца XVII в. (1681 г.) цифрами, приведенными в таблице 1.

¹ В статье не рассматриваются эвенки-оленьеводы Катангского района Иркутской области.

² Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав коренного населения Сибири в XVII веке, М., 1960, стр. 278 и сл.

³ Там же, стр. 281, 282 и 284. При исчислении всего населения по количеству ясачных плательщиков нами, как и Б. О. Долгих, применялся коэффициент 4.

Непосредственными соседями эвенков были буряты, жившие к югу от них в верховьях правых притоков Аягары, — Уды, Осы, Иды и Куды, а также в верховьях Лены, по ее притокам — Анге, Манзурке и Куденге.

Сравнительно благоприятные природные условия Илимского уезда способствовали его весьма ранней колонизации русскими. Илимский уезд был присоединен к России в 1628—1640 гг., а уже в 1675 г. Николай Спафарий, следуя из Москвы в Китай, обнаружил на Ангаре и Илеме «многие русские деревни»⁴.

К приходу русских эвенки к западу от Байкала вели промыслово-оленоводческое хозяйство. Признаками их традиционной культуры, сохранявшейся в памяти стариков еще в первой четверти XX в., были охотничий промысел без применения ловушек, рыболовство с острогой и перегораживанием рек с помощью городьбы из прутьев, собирательство (собирали и пекли сарану), верховая езда на оленях в седлах из оленьих рогов, лодка-берестянка, лыжи, подклеенные лосиным и оленьим камусом, ношение нагрудника и — у некоторых эвенков — татуировка лица⁵.

Вследствие близкого соседства с русскими часть эвенков уже в конце XVIII в. была обращена в православие. В результате крещения большинство качугских эвенков получило фамилии местного русского населения: Попов, Шапов, Скорняков, Софронов и др.⁶.

В начале XIX в. у качугских и илимских эвенков были созданы инородные управы: Очеульская (с центром в с. Качуг), Тутурская (г. Верхоленок), Киренско-Хандинская (г. Усть-Кут), Нижне-Илимская (с. Нижне-Илимское)⁷. Административный аппарат инородных управ состоял из головы и старосты — эвенков; писари были русские.

Благодаря близкому соседству с русскими и бурятами, местные эвенки уже в первой половине прошлого века начинают отходить от кочевого хозяйства, включавшего охотничий промысел, оленеводство и рыболовство, и осваивать новые занятия, связанные с оседлостью. К числу таких занятий относятся домашнее животноводство — разведение лошадей и крупного рогатого скота, а также земледелие — хлебопашество и огородничество.

Несомненно, что, помимо культурного влияния со стороны русских и бурят, на переход эвенков к новым формам хозяйства повлияло и уменьшение запасов зверя в бассейнах верхнего течения Лены и Ангара вследствие усиленного промысла⁸. Наряду с винтовкой очеульские эвенки начали применять плашки, капканы, козьи ямы⁹. Ясак они уплачивали деньгами, что косвенным образом свидетельствует об ощущавшемся недостатке пушных зверей в верховьях Лены и Киренги¹⁰.

Чтобы прокормиться, эвенкам нужно было либо откочевывать к северу, в районы, еще не занятые пришлым населением (так, в частности, образовалась токминская группа эвенков в Катайском районе

⁴ Николай Милеску Спафарий, Сибирь и Китай, Кишинева, 1960, стр. 76, 87.

⁵ Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 3977. оп. II, д. 213, лл. 18—19. Здесь приведены материалы по группе эвенков, обитавших в XIX в. в районе современного гор. Тайшет.

⁶ Государственный архив Иркутской области (в дальнейшем ГАИО), ф. 148, лл. 44 и сл.

⁷ Там же, ф. 24, оп. 9, д. 47, лл. 13—14 об.

⁸ Там же, ф. 148, д. 6, л. 168 об.; д. 39, л. 35 об.

⁹ П. Кларк, Очеульские и тутурские тунгусы в Верхоленском округе (Иркутской губернии), «Зап. Сибирского отдела РГО», кн. VI, Иркутск, 1863, стр. 90.

¹⁰ ГАИО, ф. 148, д. 39, л. 40 об.

Иркутской области), либо соответствующим образом перестраивать свое хозяйство. Переселение на новые земли и освоение новых занятий — две параллельные тенденции в развитии эвенков интересующей нас области в течение всего XIX и первой четверти XX в.

Сохранившиеся отрывочные данные свидетельствуют о весьма быстром росте у эвенков в XIX в. поголовья лошадей и крупного рогатого скота. Так, очеульские эвенки в 1845 г. имели 35 лошадей и 9 коров, а в 1864 г. — соответственно 127 и 33. В то же время поголовье оленей у них сократилось с 323 до 270 голов¹¹.

Наиболее быстро шло изменение хозяйства у илимских эвенков, раньше других вступивших в хозяйственные и культурные связи с пришлыми поселенцами. Во второй половине XIX в. эвенкийское население Нижне-Илимской управы подразделялось на четыре «участка», из которых один занимали «бродячие инородцы», а три других — оседлые («Нижне-Илимское общество», «Илимское общество» и «Ангарское общество»). Первых насчитывалось 210, а вторых — 152 человека, т. е. оседлых было около 42 процентов¹². Надо отметить, что коренное население Очеульской, Тутурской и Киренско-Хандинской инородных управ полностью именовалось в то время «бродячим»¹³.

Илимские эвенки первыми в данном районе перешли к земледелию. В середине XIX в. они уже имели посевы хлеба и картофеля. Однако они не порывали и со своими традиционными занятиями. В отчете Нижне-Илимской управы за 1865 г. говорится: «Главная промышленность оседлых инородцев заключается в хлебопашестве, огородничестве, в промысле рыбы, (но) преимущественно в улове зверей...»¹⁴.

О «бродячих» эвенках Нижне-Илимской управы в том же отчете говорится, что традиционные занятия (пушной промысел и рыболовство) мало обеспечивают их и они «большей частью задолживаются у крестьян и других сословий людей»¹⁵.

Здесь налицо весьма важный факт: производительность оседлого или, лучше сказать, комбинированного хозяйства, оказалась выше, чем производительность чисто промыслового хозяйства охотников-оленьеводов. Стало быть, переход эвенков к новым формам хозяйства объективно имел прогрессивный характер. Такой вывод подтверждается сравнением экономической мощности кочевых и оседлых хозяйств эвенков Нижне-Илимской волости.

Архивные данные показывают, что оседлые эвенки были сравнительно сносно обеспечены домашним скотом, у них была пашня, (а, значит, и хлеб), тогда как кочевые имели только средства передвижения — оленей, и то в недостаточном количестве¹⁶.

Переход к новым формам хозяйства сопровождался изменениями в общественной жизни. «Оседлые инородцы» по примеру русских крестьян составляли не стойбища и не улусы, а «общества». Имели место случаи перечисления оседлых эвенков из инородческих обществ в крестьянское сословие. Так, в 1882 г. Нижне-Илимская управа дала «увольнение» «оседлому инородцу» М. Ф. Березовскому, изъявившему желание перейти «в крестьяне» Верхне-Илимского общества Нижне-Илимской волости¹⁷.

¹¹ ГАИО, ф. 148, д. 39, л. 24; д. 20, л. 10.

¹² Там же, ф. 461, д. 14, л. 2 об.; ф. 24, оп. 9, д. 62, лл. 410 об., — 441.

¹³ Там же, ф. 24, д. 47, лл. 13—14 об.

¹⁴ Там же, ф. 461, д. 7, л. 41 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, ф. 461, д. 7, л. 38—42 об.

¹⁷ Там же, ф. 461, д. 14, л. 2.

Побывавший на Илеме в середине 1920-х гг. Я. Н. Ходукин нашел там всего одно поселение эвенков — деревню Ясачную на р. Коченга, в 17 м от ее впадения в Илим. Здесь обитало 16 хозяйств оседлых эвенков. Отдельные эвенкийские хозяйства встречались по всему протяжению Илима в одних селениях с русскими. Хозяйство этой группы эвенков автор характеризует следующими словами: «Немного пашни, скота в меру возможности, охота и уже совсем немного — рыболовство». Земледелие, сопряженное с тяжелым трудом, у них было развито слабо и велось на низком уровне. Пахотным орудием служила соха-рогальюха, разравнивание земли производилось деревянной бороной. В среднем на хозяйство приходилось 1,75 дес. пашни. Сеяли эвенки озимую и яровую рожь, пшеницу и коноплю. На огородах выращивали картофель, лук и табак¹⁸.

Жители Ясачной заимствовали русские способы пушного промысла: применяли плашки, ловушки и ямы. Свои припасы они, выходя на промысел, везли на русской ручной нарте, которую автор неправильно называет «оленьей». Они носили русскую одежду, справляли православные праздники и говорили по-русски. Свой язык они уже утратили¹⁹.

В настоящее время в Тайшетском районе Иркутской области, куда административно входит деревня Ясачная, эвенки по официальным данным не числятся. Вероятно, подавляющее большинство их стало считать себя русскими.

В большей степени сохранилась традиционная культура у эвенков нынешнего Качугского района, входивших прежде в Тутурскую и Оччульскую инородные управы²⁰. Но и у них мы находим значительные изменения в сторону сближения с местным русским и, частично, бурятским населением. Начало этого процесса уходит в глубину XIX в. Еще сто лет назад тутуро-оччульские эвенки, державшие лошадей и коров, жили в срубных «черных» избах, носили «кафтаны», сшитые из сукна, а также русские шапки и картузы²¹.

В 1927—1930 гг. у этих эвенков побывали охотоведы И. П. Копылов, И. И. Коротин, С. С. Крикунов, археолог и этнограф Б. Э. Петри²². Эвенки составляли около десяти «стойбищ», являвшихся в действительности дереvушками; в каждой проживало от 6 до 13 эвенкийских семей. Каждая семья имела избу, но часть их жила в избах только зимой, с декабря по март, остальное время года они проводили в чумах. Во всех «стойбищах» были бани²³.

Вместе с эвенками на отдельных «стойбищах» (Тырка, Чинанга, Куруля, Чанчур и др.) жили русские. Поселение русских на этих «стойбищах» относится к периоду, охватывающему самый конец XIX — первую четверть XX в. Почти все русские поселенцы были выходцами из окрестных деревень по Лене и Киренге²⁴.

¹⁸ Я. Н. Ходукин, Тунгусы реки Коченги, Иркутск, 1927, стр. 13—19.

¹⁹ Там же, стр. 19—27.

²⁰ Здесь рассматриваются также эвенки, живущие за пределами Качугского района, но составляющие с качугскими одно целое (бывшие стойбища Ханда, Илга и др.).

²¹ П. Кларк, Указ. раб., стр. 89, 90.

²² И. П. Копылов, Тунгусское хозяйство Лено-Киренгского края по данным статистическо-экономического обследования 1927 года, Новосибирск, 1928; Б. Э. Петри, Описание охотничьей территории тутурских тунгусов, «Изв. Биолого-географического научно-исследовательского института при Государственном Иркутском университете», т. V, вып. 2, Иркутск, 1930. (Отчеты И. И. Коротана и С. С. Крикунова хранятся в архиве Восточно-Сибирского отделения Всесоюзного научно-исследовательского института животного сырья и пушнины в Иркутске — далее ВС ВНИИЖП).

²³ И. П. Копылов, Указ. раб., стр. 18.

²⁴ Б. Э. Петри, Указ. раб., стр. 25.

Главными занятиями тутуро-очеульских эвенков в это время были домашнее животноводство и пушная охота. Вспомогательную роль играли рыболовство и сбор кедрового ореха. Земледелием занималось только несколько хозяйств на «стойбище» Тырка. Это была наиболее молодая отрасль хозяйства, возникшая у эвенков уже при Советской власти под влиянием русских, проживавших в Тырке, Эвенки сеяли рожь, яровую пшеницу, овес, ячмень, коноплю, сажали картофель. Расчистка пашни из-под леса производилась обычным для Сибири подсечно-огневым способом. На одно хозяйство тыркинских эвенков в среднем приходилось по 1,4 десятины пашни. Среди употреблявшихся ими сельскохозяйственных орудий были не только борона и соха, но также плуг, молотилка и веялка²⁵.

По своему характеру хозяйство большинства качугских эвенков было в конце 1920-х гг. промыслово-животноводческим. 34 хозяйства из 63 имели оленей. Большая часть оленей принадлежала эвенкам стойбищ Вершина Тутуры и Мурины. Всего оленей у качугских эвенков было 407 голов, т. е. в среднем меньше чем по 12 голов на одно хозяйство. Все качугские оленеводы имели лошадей, а многие и коров²⁶.

Все поголовье крупного рогатого скота, а также овец и свиней было сосредоточено в Тырке, где развивалось земледелие. Зато олени тут были только в одном хозяйстве. Это указывает на то, что эвенки обзаводились прежде всего транспортными животными — лошадьми. Развитие животноводства в продуктивном направлении имело место там, где уже существовала прочная оседлость.

В связи с изменениями в хозяйстве менялся и образ жизни качугских эвенков. Часть охотников и оленеводов (стойбища Тутура, Мурины, Нюруткай, Д>довка, Чанчур), хотя они и обзавелись домашним скотом, с марта по октябрь по-прежнему кочевали. Коров и лошадей они оставляли на своих зимних стойбищах под присмотром стариков или оседлых эвенков, а иногда и русских. В период сенокоса кочевники возвращались в деревни, чтобы накосить сена. Некоторые же охотники-олeneводы вообще не кочевали; они жили оседло, а оленей отдавали на выпас кочевникам²⁷.

Охотники-животноводы (стойбища Кичигир, Ковыли, Чикан, Илга и др.) выезжали только на рыбалку к окрестным озерам. Что касается эвенков-земледельцев (Тырка), то они круглый год жили на одном месте и в этом отношении совершенно не отличались от русских крестьян.

В период пушного промысла представители всех трех хозяйственных групп отправлялись охотиться, но охотились без семьи, собираясь небольшими артелями, как это практиковалось и русскими.

Интересны некоторые детали, характеризующие состояние отдельных отраслей хозяйства качугских эвенков в это время. Основным орудием весеннего промысла белки у них, как и у русских, служила плашка. В тайгу охотники выезжали либо на оленях, либо на лошадях; последних затем отводили обратно. Разбив в тайге «табор», охотники уходили на промысел по мелкому снегу пешком с «понятой» за плечами. После выпадения снега они становились на лыжи подклеенные конским камусом. Все эти признаки характеризуют и русских промысловиков, но в отличие от них эвенки, по словам Б. Э. Петри, умели промышленно белку и с собакой, и без собаки; поэтому они не выхо-

²⁵ И. П. Копылов, Указ. раб., стр. 28.

²⁶ Там же, стр. 30 и сл.

²⁷ Там же, стр. 21; Б. Э. Петри, Указ. раб., стр. 34.

дили из тайги сразу по выпадении глубокого снега, как это делали русские охотники, а вели промысел до наступления больших морозов, примерно до 19 декабря²⁸.

На оленях качугские эвенки в 1920-х гг. уже не ездили. На оленях перевозили домашний скarb и детей; ненадолго садились на оленей уставшие женщины. Не обнаружив у качугских эвенков верховых седел для езды на оленях, Б. Э. Петри пришел даже к ошибочному заключению, что таковых у них не было никогда²⁹.

Как мы уже говорили, оленеводство в Качугском районе сохранялось в основном лишь у эвенков стойбищ Тутура и Муриныя. Остальные эвенки либо лишились своих оленей вследствие частых эпизоотии и других причин, либо сами освободились от них как от обузы, мешавшей заниматься разведением домашнего скота. Эвенки Кичигировского стойбища, по словам Б. Э. Петри, «ликвидировали своих оленей, а остатки передали ковылейским» приблизительно в середине второй-половины XIX в. «Ликвидаторское отношение к оленеводству» он отмечал и у тутурских эвенков³⁰.

Домашний скот (лошадей и коров) эвенки получали от своих соседей бурят³¹. У них же они переняли и способы содержания скота: зимой держали его под открытым небом и только на ночь укрывали коров и овец в «стайках» — примитивных, неотапливаемых хлевах. Сено эвенки накашивали на удобренных лугах — «утугах», что также было заимствовано у бурят.

Таким образом, у качугских эвенков в первой четверти XX в. полным ходом развивался процесс преобразования традиционного промыслово-олeneводческого хозяйства в хозяйство таежного крестьянского типа, совмещающего земледелие и домашнее животноводство с охотой и рыболовством. Соответственно шел и процесс культурного сближения эвенков с местным русским и отчасти бурятским населением. Можно было ожидать, что в ближайшие десятилетия качугские эвенки разделят судьбу своих соседей — эвенков Илама и Киренги — и полностью сольются с окружающим их населением. Однако этого не произошло.

В начале 1930-х гг., в период коллективизации, качугские эвенки объединились в нескольких колхозах с хозяйственными центрами на «стойбищах» Тутура, Ковылей, Чинанга, Муриныя, Нюруткан. Эвенки стойбищ Чанчур и Дудовка переселились в Тутуру. Землеустройство закрепило за колхозами отведенные им угодья, что прекратило стихийное опромыщление этих угодий охотниками из числа пришлого населения. Прекратилось образование новых поселений пришлого населения в северной части Качугского района среди эвенков. В деревне Чинанга, основанной русскими крестьянами на р. Киренге, стали жить эвенки — члены колхоза «Чакомо бэ бэйсён». Все это способствовало сохранению качугских эвенков в качестве своеобразной этнографической группы.

Коротко остановимся на основных этапах послереволюционной истории качугских эвенков.

В 1923 г. на своем суглане в Верхоленске они избрали Тутуро-Очёльский туземный соиет, заменивший существовавшие у них в прошлом инородные управы. Председателем этого первого туземного совета стал

²⁸ Б. Э. Петри, Указ. раб., стр. 38.

²⁹ Там же, стр. 35.

³⁰ Там же, стр. 25, 28.

³¹ На это указывает соответствующая терминология: лошадь по-бурятски — мбрин, по-эвенкийски — мурин; корова соответственно — кукур и ухур.

ныне здравствующий житель пос. Старая Тутура И. И. Чертовских (эвенк).

Качугскими эвенками особо занимался Комитет Севера. Учитывая их бедственное в то время положение, Комитет Севера в 1928 г. предложил им переселиться на р. Нижнюю Тунгуску, где живет значительная масса эвенкийского народа, но «по экономическим соображениям и родовым принципам тунгусов» качугские эвенки отказались от этого предложения³². Поэтому Комитетом Севера было решено построить в

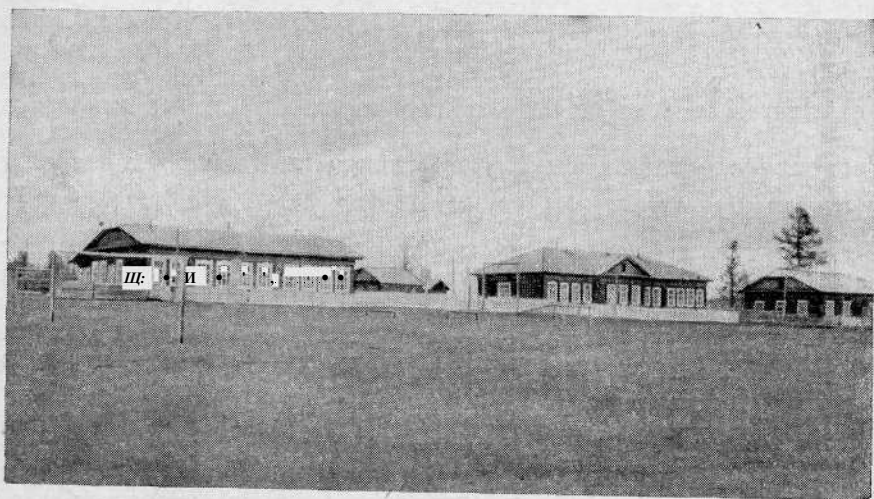

Рис. 1. Школа и интернат для детей эвенков в пос. Вершина Тутуры, построенные Комитетом Севера при ВЦИК в начале 1930-х гг.

Качугском районе культбазу для оказания эвенкам хозяйственной и культурной помощи.

Много дискуссий в конце 1920-х гг. вызвал вопрос о дальнейшем направлении хозяйственной деятельности качугских эвенков. Представляют интерес сохранившиеся в архивах протоколы суглана, состоявшегося в последних числах февраля 1929 г., на котором присутствовали уполномоченные Комитета Севера. Речь шла и о хозяйстве, и о концентрации отдельных, разбросанных на широком пространстве стойбищ эвенков в компактное целое. Противоречивые интересы оленеводов и скотоводов совместить было трудно. Эвенк Ф. Дорофеев сказал: «У кого есть олени — тому выгоднее развивать оленей и жить на каменном месте (Киренский район), а у которых их нет, а имеются лошади и коровы, таким выгодно жить на луговом месте (Тутурский район)». Представитель стойбища Илга П. Иргинеев сказал: «Мы, илгинцы, с оленями не умеем обр-щаться — з?ы уже дзвно скот?во. Ды, нам нужны луга для покосов и выгоны» «Большинство высказалось за луговое место для строительства культбазы, и строительство было начато на лугу, в трех стойбища. Здесь теперь находится поселок Верш... Тутуры. Бывшее Тутурское стойбище носит название Старая Тутура; ТТГГЛ1 0 1 тм Н6СКОЛЬКо Семей ЭВЕНКоВ ~ Членов кол-хоза им. ТТГГГВ

³² А. Н. Жигунов, 75, д. 3, л. 4. В частности, тмелась в виду р. Илимпеля — левый приток Нигжигуновского ручья. ГАИО, ф. 2375, д. 3, л. 10.

Строительство Тутурской культбазы началось в 1928 г. и закончилось около 1935 г. Были выстроены магазин, школа-интернат для детей и больница. Эти здания очень хорошего качества, они и сейчас украшают поселок, который жители по-прежнему называют в обиходе Культбазой. Первой постройкой было здание школы. Весной 1930 г. в нем открылся суглан, на котором от имени Комитета Севера выступил Б. Э. Петри, поздравивший эвенков с открытием школы³⁴.

Коллективизация у эвенков Качугского района проходила в формах, обычных для всего Севера. Сначала были организованы «смешанные артели» с обобществлением средств производства и скота, а затем, в соответствии с известными постановлениями ЦК КПСС³⁵, артели были преобразованы в простейшие производственные объединения (ППО). Было организовано несколько эвенкийских колхозов «Бэйсен» («Охотник») — в Тутуре, «Чакомо бэе бэйсен» («Храбрый охотник») — в Чинанге, «Олломо-чёвки» («Рыбак») — в Муринье, «Нулгиктовкй» («Кочевник») — в Нюруткане. В 1950-х гг. три последних колхоза объединились в один.

Таблица 2

КОЛХОЗ	Число Дворов		Всего населения (человек)
	всего	в том числе эвенкийских	
им. Куйбышева	40	32	166
«Киренга»	27	24	119
Всего	67	56	285

Сейчас в Качугском районе имеются два эвенкийских колхоза: им. Куйбышева (с центром в пос. Вершина Тутуры) и «Киренга» (с центром в пос. Муринья). Данные, характеризующие численный состав этих колхозов, приведены в таблице 2³⁶.

Колхозы ведут смешанное хозяйство, включающее охотничий промысел, оленеводство, рыболовство, извоз на лошадях и оленях, заготовку кедрового ореха и ягод. Важнейшей товарной отраслью, приносящей от 60 до 80% денежного дохода, является пушной промысел³⁷. На втором месте стоит рыболовство³⁸.

В колхозах обобществлены лошади и олени. В колхозе им. Куйбышева на начало 1963 г. было 12 лошадей и 266 оленей, в колхозе «Киренга» — 8 лошадей и 41 олень.

За годы Советской власти «стойбища» качугских эвенков разрослись, превратились в современные таежные поселки. В поселке Вершина Тутуры, кроме жилых домов, имеются школа с интернатом, больница, клуб, отделение связи, магазин. Здесь расположены контора колхоза им. Куйбышева и Вершино-Тутурский сельсовет, обслуживающий население обоих колхозов качугских эвенков. Школа и больница, расположенные в этом поселке, также обслуживают членов колхоза «Киренга».

Всего в настоящее время имеется пять поселков качугских эвенков: Вершина Тутуры и Старая Тутура — в колхозе им. Куйбышева; Тырка, Чинанга и Муринья — в колхозе «Киренга». За пределами Качугского района расположен поселок Вершина Ханды — хозяйственный центр колхоза «Омакта бэе бэйсен», объединяющего эвенков бывшего «Хан-

³⁴ ГАИО, ф. 2375, оп. 1, д. 103, л. 17; д. 1139, л. 10.

³⁵ «КПСС в резолюциях и решениях», изд. 7, ч. II, 1953, стр. 596.

³⁶ По годовым отчетам колхозов за 1962 г.

³⁷ В 1962 г. охотники колхоза им. Куйбышева добыли 12 тыс. белок, 4050 ондатр, 122 соболя и т. д., а охотники колхоза «Киренга» — 1757 белок, 130 ондатр, 204 соболя и других зверей.

³⁸ В 1962 г. колхозы сдали: им. Куйбышева — 52, «Киренга» — 266 ц рыбы.

динского общества». Это очень маленький колхоз, состоящий всего из полутора десятков дворов колхозников. У хандинских эвенков совершенно отсутствует оленеводство, а главными отраслями хозяйства являются охотничий промысел и рыболовство.

Кроме этих двух групп эвенков, живущих в Качугском и Казачинско-Ленском районах, к северу от них в пределах Иркутской области сохранились следующие группы полуоседлого и оседлого эвенкийского населения: в районе, подчиненном Усть-Кутскому горсовету, — около 100 эвенков (дер. Таюра, Михнево и Максимове), в Мамско-Чуйском районе — около 70 эвенков (пос. Конкудеры), в Киренском районе — около 200 эвенков (дер. Нижнее Карелино и более мелкие поселения)³⁹. Все они еще не утратили своего этнического самосознания и языка.

Согласно статистике численность тех групп эвенков Иркутской области, которые рано или поздно перешли от оленеводства к животноводству, заметным образом сократилась. В 1681 г., как было показано выше, всех этих эвенков насчитывалось около 1250 человек, а в настоящее время на той же территории живет всего около 700 эвенков.

Сокращение численности этих эвенков в основном происходило в XIX в., что можно проследить на примере тугуро-очеульских (качугских) эвенков. В 1850 г.⁴⁰ их было 773 чел., в 1897 г. — 601⁴¹, а в 1926 г. — 308⁴². В настоящее время, по нашим данным, в Качугском районе проживает 336 эвенков, из них в поселках Вершина Тутуры и Старая Тутура — 223 чел., в поселках Тырка, Чинанга и Муринья — 113 чел. Таким образом, численность тугуро-очеульских эвенков за период немногим свыше ста лет сократилась более чем в два раза. Вместе с тем за последние десятилетия (с 1926 г.) численность этой группы возросла более чем на 10%.

Последовательное уменьшение численности качугских эвенков не надо, конечно, понимать как их физическое вымирание — это шел процесс погло-

Ареалы современного расселения эвенков

Рис. 2. Схема расселения эвенков Иркутской области (без северной части Катангского района)

щения эвенков русскими и бурятами. В советское время развитие качугских эвенков протекало при иных условиях: объединение эвенков в национальных по составу колхозах, землеустройство, закрепившее за колхозами отведенные им угодья, льготы, предоставленные малым на-

³⁹ Данные опросов населения; точность их весьма относительна.

⁴⁰ ГАИО, ф. 11468, оп. 1, д. 6, л. 54.

⁴¹ С. Патканов, Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири, ч. 1: Тунгусы собственно, вып. 2, СПб., 1906, стр. 131.

⁴² ВС ВНИИЖП, д. 284, приложение.

родам Севера,— все это способствовало сохранению тутуро-очеульских эвенков как отдельной этнографической группы и привело даже к увеличению их численности.

В настоящее время подавляющее большинство качугских эвенков общается между собой на родном языке⁴³. Вместе с тем они свободно, без акцента, владеют русским. Многие представители старшего поколения хорошо знают бурятский язык.

Примечательны особенности физического типа качугских эвенков: у многих из них светлые глаза, выпуклый нос, светлые волосы и т. д. Можно встретить эвенков, которые по внешнему виду совершенно не отличаются от представителей русского населения.

Физическое смешение качугских и соседних с ними эвенков с русскими происходило на протяжении более двух веков. Особенно интенсивно оно протекало у эвенков, живших на р. Илим. Здесь задолго до революции образовалось метизированное население, так называемые «ясачные», которых местные русские не смешивали с «тунгусами», кочевавшими к северу от Илима⁴⁴.

Не исключено, что изменения в физическом облике качугских эвенков в какой-то степени повлияли на исчезновение у них верховой езды на оленях. Под влиянием физического смешения с русскими, а также благодаря переходу к полуседлой жизни и увеличению в рационе мучной пищи качугские эвенки стали по своей конституции крупнее и тяжелее, чем их соседи — эвенки Катангского района. В свое время Б. Э. Петри писал о метисах-эвенках как о «более крепких, более рослых и тяжелых по весу»⁴⁵. А большой рост и вес являются, как известно, немаловажным затруднением для верховой езды на олене.

Но дело, конечно, не только в изменении физической конституции. Успела измениться психология качугских эвенков, издавна пользующихся лошастью в качестве вьючного животного. Ведь по сравнению с лошастью даже крупный олень выглядит слабосильным животным.

Рассмотрим теперь, как сочетаются элементы эвенкийской, русской и бурятской традиционной культуры в современном хозяйстве и быту качугских эвенков.

Оленеводство, несмотря на некоторый рост поголовья в колхозе, им. Куйбышева за последнее десятилетие, вряд ли имеет перспективу развития у качугских эвенков ввиду общего направления их хозяйства. Характерно, что в этом колхозе за последние три-четыре года никто из охотников не брал оленей на промысел. В колхозе «Киренга» оленеводство сохраняется в качестве своеобразного реликта. Олени круглый год выпасаются возле поселка Мурины. За ними присматривают председатель колхоза С. С. Шерстов и его жена — единственные и, возможно, последние оленеводы киренских эвенков. Некоторые охотники этого колхоза используют оленей на промысле (перевозят на них во вьюках свое снаряжение), но большинство, как и охотники колхоза им. Куйбышева, выезжает на промысел на лошадях.

В личной собственности колхозников-эвенков имеются лошади и коровы, но совсем нет оленей.

Сезон охотничьего промысла в настоящее время значительно короче, чем раньше. У большинства охотников он продолжается с середины

⁴³ Это относится главным образом ко взрослым; дети на вопрос, заданный по-эвенкийски, отвечают по-русски.

⁴⁴ См. рукопись «Описание хозяйства Лено-Киренского края» (ВС ВНИИЖП, д. 6, лл. 42, 53). Рукопись представляет собой отчет экспедиции 1927 г., в которой принимал участие этнограф и языковед Е. И. Титов.

⁴⁵ Б. Э. Петри, Указ. раб., стр. 18.

октября до ноябрьских праздников. Лишь отдельные охотники из колхоза «Киренга» возвращаются с промысла перед Новым годом. На вопрос о причине этого качугские эвенки отвечают, что разучились охотиться без собаки. А собака, как известно, по глубокому снегу не ходит.

Как бы в качестве компенсации за сокращение охотничьего сезона эвенки в настоящее время широко практикуют орешный промысел.

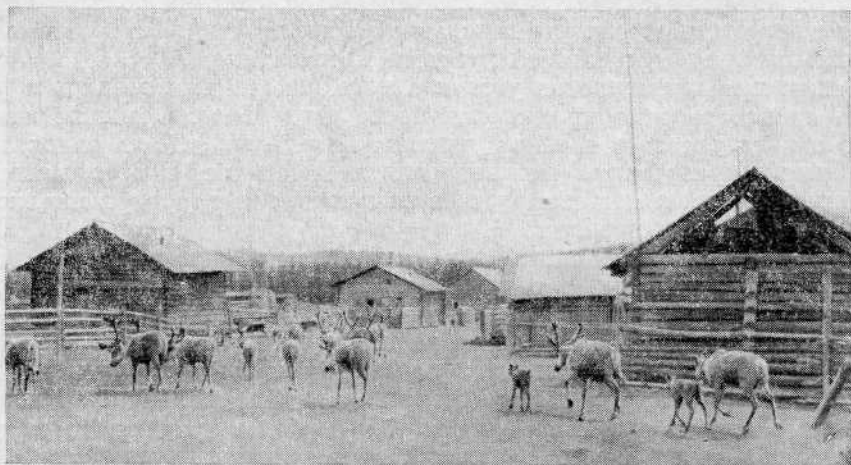

Рис. 3. Оленье стадо колхоза «Киренга». Олени пасутся вблизи пос. Мурины и днем заходят в поселок

Осенью они иногда целыми семьями отправляются на заготовку кедрового ореха, который сдают на заготовительный пункт Качугского коопзверопромхоза.

В прошлом качугские эвенки изготавливали два типа лодок — берестяные (дяв) и долбленые (оморочка). Сейчас они ограничиваются производством долбленок. Материалом для изготовления таких лодок в Вершине Тутуры и Старой Тутуре служит осина, в Тырке, Мурины и Чинанге — тополь. В каждом поселке есть большие мастера этого дела. Долбленные лодки пользуются спросом среди русского промыслового населения на Лене и Киренге, и это составляет некоторую статью дохода качугских эвенков.

Характерно, что прогресс проникает и в эту старинную отрасль домашнего ремесла. Живущий в Чинанге эвенк Георгий Софронов летом 1963 г. сделал долбленную лодку, приспособленную для установки подвесного мотора. Для этого ему пришлось внести в лодку некоторые конструктивные изменения.

В тесной связи с особенностями хозяйства находится образ жизни качугских эвенков. Его можно квалифицировать как оседлый, так как все эвенки большую часть года проводят в своих колхозных поселках. Некоторые элементы кочевания можно усмотреть лишь в сезонных выездах рыбаков и охотников на места промыслов, куда они, однако, выезжают без семьи.

Современные поселки качугских эвенков — это небольшие селения, обычно в одну улицу, застроенные срубными домами русского типа. Такие дома (эв. ѓула) эвенки, по воспоминаниям стариков, начали строить лет 50—60 назад. Отапливаются дома большими русскими гли-

побитными печами. Характерной особенностью многих домов является расположение кухни: она находится не в передней, а в задней половине дома.

Непременная принадлежность усадьбы качугских эвенков — огороженный участок земли с хорошей нетоптанной травой, выкашиваемой на корм скоту, находящемуся в личной собственности. Это так на-

Ряс. 4. Эвенк из колхоза «Киренга» поднимается вверх по реке в долбленной лодке

зываемые угуи, заимствованные эвенками у их соседей бурят. Некоторые эвенки имеют также огороды, на которых выращивают репу, лук и другие овощи.

К усадьбе относятся также множество дворовых построек, встречающихся в разных сочетаниях: корьевой чум, «балаган» (или «юрта»), амюар, «стайка» для скота, баня, летняя кухня. Оригинальной конструкцией является «юрта», представляющая собой комбинацию корьевого чума со срубом. «Юрты» появились у качугских эвенков совсем недавно — пять или шесть лет назад. Специального названия в эвенкийском языке это сооружение не имеет и, так же как чум, называется «дю». В чуме и в юрте эвенки летом спят и едят. Зимой в них хранят продовольственные припасы. Что касается амбара, то это сруб с двускатной крышей, заимствованный у русских. От него отличаются «стайка» и баня, представляющие собой низкий сруб с плоской крышей, без потолка.

В основание чума качугские эвенки ставят четыре шеста (сбна); конец одного шеста продевается в отверстие, сделанное на конце другого. Сона длиннее и толще остальных шестов, которые называются серайн. В верхней части шестов сона эвенки вырубают четыре лунки и закладывают раму из деревянных брусьев — так называемый поперечник. В каждом чуме имеется дверь (урка) на ременных петлях.

Раньше качугские эвенки крыли чум вываренной берестой (тыга); теперь употребляется более удобный брезент. Обогревается чум костром (тог). Традиционное распределение мест внутри чума не отличает-

ся от известного у других групп эвенков, только сторона «бэ» (место младших членов семьи) называется у качугских эвенков «б́ило».

Перечисленные виды жилищ и дворовых построек свидетельствуют о больших сдвигах в хозяйстве и быте качугских эвенков, которые произошли за последние полтора века. Корьевой чум — реликт кочевой культуры, но уже изменившейся в соответствии с требованиями оседлого образа жизни. Срубные дом и амбар — свидетельство того, что этот

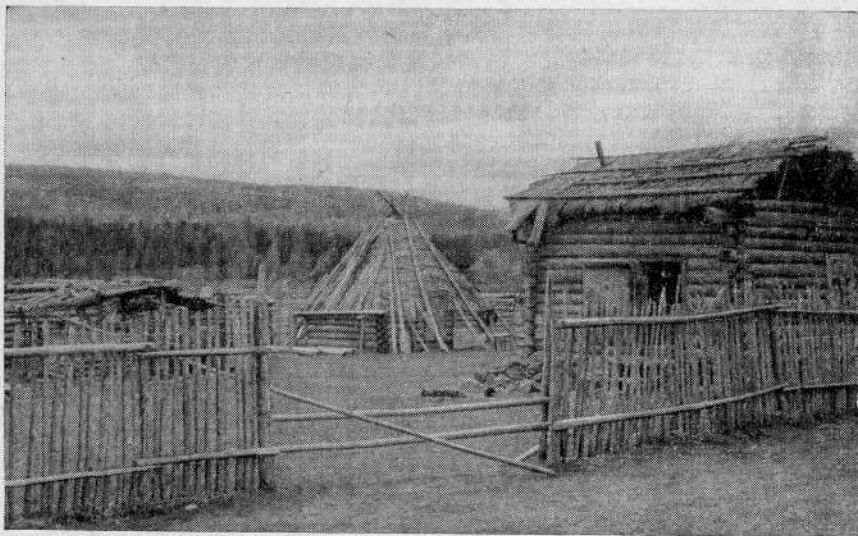

Рис. 5. Двор колхозника-эвенка в пос. Вершина Тутуры. Возле избы видна «юрта» — комбинация корьевого чума со срубом

процесс завершился. И, наконец, чум-полусруб («юрта») может считаться своеобразным результатом творческого взаимодействия дзух • культур — кочевой и оседлой.

В поселках качугские эвенки «осят обычное, распространенное в сельской местности платье: мужчины — пальто, пиджаки, брюки, сапоги, ботинки, кепки; женщины — пальто, платья, юбки, кофты, чулки, туфля, платки. Отправляясь на промысел, охотники надевают парку из оленьей, или козьей шкуры (мукчукá), короткие сапоги из оленьего камуса с камусной же подошвой (хачитым) либо сапоги из оленьего камуса, но с подошвой из кожи лося (кульмй). Те и другие кроются наподобие олочей, но без разреза спереди. Носят их с ноговицами из сукна или конской шкуры (хаварй). Унты хачитым не скользят на снегу, поэтому их употребляют при ходьбе на лыжах; кульмй обычно надевают в дорогу. Кроме этой обуви, у качугских эвенков имеются также сапоги (дюк-тұл) из лосиного или оленьего камуса длиной до колен или до паха.

Культурой быта качугские эвенки сейчас мало отличаются от местного русского населения. В домах у них прибрано, стены побелены. На окнах висят занавески, на подоконниках стоят цветы. Заметно стремление эвенков украсить свой двор по примеру русских: некоторые возле домов посадили молодые деревца и обнесли их штaketником. Почти в каждом доме качугских эвенков можно увидеть батарейный; радиоприемник «Родина».

Очень мало традиционного сохранилось в духовной культуре качугских эвенков. Резко отличает их от других групп эвенкийского народа

почти полное забвение ими своих родовых названий. Из лексикона выпал сам термин «род» (эв. тэгэ); его заменяют понятие семьи (миннй), родни (халив), народа (йлзл). Экзогамии качугские эвенки не знают. Ограничением браков служит родство до четвертого колена, иначе говоря, правнуки одного предка уже могут вступать во взаимные браки. Как раньше, так и теперь качугские эвенки предпочитают брать жен в соседних поселках («стойбищах»).

В пережиточном виде сохраняются некоторые традиции прежнего анимистического мировоззрения качугских эвенков. Распространено, в частности, «брызгание». За трапезой эвенки отливают на стол или «брызгают» на пол немного вина. Если вина нет, «брызгают» супом. В Чинанге мне показали у въезда в деревню старую развесистую ель, на которой висели дары духам леса — лоскутки белой ткани. Мне объяснили, что охотники, отправляясь на промысел, брызгают на эту ель водкой, чтобы охота была удачной. Характерно, что этот обычай у эвенков переняло русское старожильческое население.

Сохраняется старый, возможно тотемистический, взгляд на то, что не следует убивать орла (дэй хогдеву), кукушку (кукбвки) и лебедя (багдавки). Лебедь, согласно поверью, «человек был когда-то: кричит эдак же». Ворон качугские эвенки не стреляют, потому что от этого «ружье портится». Зато волка, в отличие от многих других групп эвенков, они бьют.

Пережитки веры в загробную жизнь сохраняются в виде обычая оставлять на могиле родственников продырявленную металлическую посуду, пустые бутылки из-под вина и другие предметы.

Подводя итоги, можно констатировать, что на протяжении последних полутора — двух веков материальная и духовная культура эвенков, живущих к западу от Байкала, сильно изменилась, и в этом отношении они стоят сейчас ближе к русским, чем к другим группам эвенков. Сокращение их численности с момента прихода русских указывает на то, что часть их в поисках лучших условий для ведения промыслово-оленьеводческого хозяйства переселилась на север (на верхние притоки Нижней Тунгуски, на Куту и другие притоки Лены), а часть была ассимилирована пришлым населением (на Илеме).

Тот же процесс и почти в то же время происходил у эвенков Алдана и Нижней Май (его правый приток), правобережья Ангары, а также у эвенков северных районов Бурятской АССР, Читинской и Амурской областей. Алдано-майские эвенки, контактируя в течение длительного времени с якутами, а потом и с русскими, уже к концу XIX в. превратились в полуоседлых скотоводов и земледельцев наподобие якутов⁴⁶. Эвенки Ангары, в массе своей оленеводы, отошли в конце XIX — начале XX в. к северу, в бассейн Подкаменной Тунгуски, и даже еще севернее в бассейн Нижней Тунгуски (территория современного Эвенкийского национального округа). От них в районе рек Каменка (правый приток Ангары) и Горбилук (приток Пита, также являющегося правым притоком Ангары) в настоящее время осталась небольшая группа эвенков из восьми семей, ведущая смешанное промыслово-скотоводческое хозяйство⁴⁷. У эвенков северных районов Бурятии, Читинской и Амурской областей процесс сближения с русским, а отчасти с бурятским и

⁴⁶ С. К. Патканов, Указ. раб., стр. 022; см. также: Я. В. Стефанович, От Якутска до Аяна. Путевые наблюдения (Аянская экспедиция 1894 года), Иркутск, 1896, стр. 22.

⁴⁷ См. нашу статью «У эвенков западной части Эвенкийского национального округа и Туруханского района Красноярского края», «Сов. этнография», 1963, № 3; см. также архивные материалы: ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, дд. 226, 238 и др.

якутским населением, продолжается до сих пор. Он выражается в усвоении эвенками новых хозяйственных отраслей, изменении быта и традиционной культуры⁴⁸.

Переход эвенков к новым формам хозяйства и быта, где бы мы его ни наблюдали в Сибири, совершался при следующих неперенных условиях: 1 — длительный хозяйственный и культурный контакт с земледельцами и скотоводами; 2 — достаточно благоприятные условия для развития земледелия и скотоводства (имеется в виду разведение крупного рогатого скота и лошадей); 3 — ухудшение условий для ведения промыслово-оленьеводческого хозяйства; 4 — низкий в прошлом технический уровень развития земледелия и скотоводства в Сибири, облегчавший эвенкам овладение новыми для них орудиями труда и производственными навыками, необходимыми для занятия этими отраслями хозяйства.

Превращение эвенков, охотников-оленьеводов, в скотоводов и земледельцев показывает, при каких обстоятельствах и в каких формах может осуществляться развитие ранее отсталых народов при взаимодействии с более развитым населением, имеющим иную материальную и духовную культуру и иной образ жизни.

SUMMARY

The article deals with the Evenks living immediately to the west of Lake Baikal. In the 18th century already, getting in touch with the Russians and Buryats, they adopted from them new forms of economic activities: horse-breeding and cattle-breeding and then land cultivation. The author analyses the gradual change of the Evenks' economy and with it the change of ways of living. At present part of the Evenks have completely assimilated with Russians (on the Him river) and part of them combine hunting and cattle-breeding with the settled way of life, which, however, still has relics of nomad life. The author says that similar changes have taken place also in the life of other groups of Evenks, including the Evenks inhabiting areas along the Aldan and the Nizhnyaya Maya. The author enumerates the conditions which contributed, in his opinion, to the assimilation by the Evenks of the new forms of the economy and life.

⁴⁸ См., в частности, нашу статью «Витимо-олекминские эвенки», «Сибирский этнографический сборник», IV, Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LXXVIII, М., 1962.